

— Ребята! Из двенадцати классов параллели наш класс занял третье место! — с воодушевлением произнёс Старина У.

Под кафедрой раздались аплодисменты.

— Мы больше не трети с конца! Мы трети с начала! С начала! Мы вырвались вперёд! — Старина У стучал по кафедре, не скрывая эмоций. — И давайте горячо поздравим Лу Шициня, который занял первое место в забеге на пять тысяч метров!

Снова раздались аплодисменты.

Старина У специально отрезал большой кусок торта и поднес его к столу Лу Шициня:

— Ну, скажи пару слов, поделись своими впечатлениями.

Лу Шицин встал, чтобы принять торт, и, увидев на нём половину персика долголетия и нижнюю часть иероглифа «долголетие», написанного красным желе, а также взгляды одноклассников, словно прожекторы, он словно предвидел сцену своего восьмидесятилетнего юбилея.

— Честно говоря, у меня нет особых впечатлений, просто... — Лу Шицин попытался вспомнить свои чувства в тот момент, но не знал, что сказать.

Тогда он просто увидел, как Смуглый ведёт себя подозрительно за спиной Чэнь Фана, и, волнуясь, ускорился, не думая ни о чём другом.

Неужели он должен сказать, что найти себе пару, возможно, поможет занять первое место?

Тогда, возможно, праздничный ужин быстро превратится в собрание по разбору полётов.

— Если сердце в чём-то, то будет и сила, чтобы стремиться к этому, — сказал Лу Шицин.

— Отлично! — Старина У похлопал Лу Шициня по плечу, давая ему сесть. — Очень хорошо сказал. Это касается не только спорта, но и учёбы, это одно и то же...

Слушая, как Старина У начинает развивать тему под влиянием алкоголя, Лу Шицин вздохнул с облегчением и повернулся к Чэнь Фану, который, опустив голову, смеялся, и даже кончики его ушей покраснели от смеха.

— Чего ржёшь?

Он легонько ткнул Чэнь Фана в мягкую часть бока.

— Ничего.

Смех Чэнь Фана, едва утихший, снова прорвался наружу от щекотки. Спустя какое-то время он успокоился и посмотрел на Лу Шициня:

— Ты хорошо сказал.

— Я не совсем бредил, — Лу Шицин смотрел на Чэнь Фана. — Ты ведь понял?

— У меня неплохая способность понимать, — Чэнь Фан кивнул, затем прикрыл рукой грудь, притворяясь, что ему больно. — Твоё сердце уже здесь, и оно так сильно бьётся.

— Артист.

Лу Шицин усмехнулся, взял вилку и отложил в сторону розовый персик долголетия, который, казалось, был полон красителей, затем поднял кусок сливочного торта и отправил его в рот, медленно пережёвывая.

— Ты любишь торт? — спросил Чэнь Фан, глядя на Лу Шициня. — Я помню, ты не особо любишь сладкое.

— Смотри на этот иероглиф «долголетие», пусть это будет торт на моё восьмидесятилетие, это другое, — Лу Шицин съел ещё кусок, поморщился и отложил вилку, больше не притрагиваясь к торту.

Приторные сливки, покрывавшие слишком сладкий торт, не соответствовали его вкусу.

Это был типичный торт, который любят дети, особенно на день рождения, но для Лу Шициня это было не предпочтение, а скорее новизна.

Он прожил много лет, и хотя день рождения отмечал каждый год, торт ел редко, и всегда оставался странный интерес. Поэтому, даже если каждый раз, попробовав, он понимал, что торт невкусный, в следующий раз он всё равно пробовал, и снова находил его невкусным, и так продолжалось.

Человек растёт и без торта, но странно, что он пропустил всего семнадцать дней рождения, а тортов съел уже больше, чем это число, но всё равно не мог восполнить это.

Сентиментальность.

Лу Шицин усмехнулся, начал небрежно играть со сливками на торте и вдруг услышал, как Старина У кричит, сорвав голос:

— Веселимся!

После этого класс взорвался, атмосфера была как взрыв конфет во рту. Каждый получивший кусок торта теперь воспринимал его не как еду, а как некий усилитель, и чем больше мазали друг другу по лицам, тем больше радости получали.

— Фан.

— Мм?

Чэнь Фан повернулся, чтобы ответить Лу Шициню, и над его губой появилась половинка белых усов.

— Ты тоже как они? — Чэнь Фан нахмурился, но явно смеялся.

— Потому что радостно, — Лу Шицин с удовлетворением смотрел на своё творение, улыбнулся, затем снова макнул палец в сливки, и вскоре у Чэнь Фана появилась и вторая половинка усов.

Тарелка с тортом была передана Чэнь Фану, Лу Шицин указал на своё лицо и великодушно сказал:

— Давай, не стесняйся, пусть и тебе будет радостно.

Класс бесновался, гоняясь друг за другом с тарелками торта, сталкивая стулья и столы, но на месте Лу Шициня и Чэнь Фана была совершенно другая атмосфера.

Они спокойно пользовались одной тарелкой сливок, спокойно сидели друг напротив друга и спокойно, аккуратно мазали сливки на лица друг друга, словно собирались нарисовать какую-то форму.

Лу Шицин с двумя белыми бровями на лице мазал сливки на губы Чэнь Фана.

— Не смейся, а то смажу мимо, — Лу Шицин говорил с серьёзным видом.

Чэнь Фан старался сдерживаться, но чем серьёзнее был Лу Шицин, тем больше он не мог сдержать смех, уголки его рта дёргались. Неудачно палец Лу Шицина соскользнул, и сливки, липкие и скользкие, попали в плотно сжатые губы Чэнь Фана.

Казалось, что-то влажное и скользкое скользнуло по кончику пальца и быстро исчезло, унося с собой сливки и оставляя на коже тёплое ощущение.

— Сливки довольно сладкие, — сказал Чэнь Фан.

Он попробовал.

Его язык.

Мягкий, тёплый, как при поцелуе.

Если бы он сейчас поцеловал его, наверное, почувствовал бы сладость на кончике языка.

Мозг на миг отключился, предавшись свободным фантазиям. Лу Шицин почувствовал, как место, которое лизнул Чэнь Фан, стало горячим, ладонь вспотела, и жар начал распространяться по всему телу, даже железа на затылке, словно подливая масла в огонь, пульсировала.

Реакция тела постепенно перешла через контролируемую границу.

— Я... пойду в туалет.

Лу Шицин поставил тарелку со сливками, сгорбился и быстро вышел из класса.

Глядя на пустое место Лу Шициня, Чэнь Фан на мгновение задумался, вспомнив сцену, когда он заметил странную реакцию Лу Шициня.

Его лицо было красным, дыхание глубоким... и между ног на штанах обозначилась явная выпуклость.

Чэнь Фан знал и на собственном опыте испытывал значение этой реакции тела, но только улыбнулся.

На самом деле Лу Шицину не нужно было так паниковать. Увидев его реакцию, Чэнь Фан ничего бы не сказал, и даже если бы были условия для чего-то большего, он, вероятно, не отказался бы.

Люди во тьме, желающие схватить свет, готовы броситься на него всем телом.

Он тоже.

Чэнь Фан лизнул сливки, которые Лу Шицин намазал на его губы. Сладкий вкус.

Уже весна.

На день рождения парня нужно приготовить подарок.

Обычное воскресенье, короткие каникулы учеников Пятой школы.

Редкий момент отдыха, за окном было темно и душно, дождь вот-вот пойдёт. Лу Шицин кое-как перекусил в обед, один лежал на кровати в общежитии, глядя в потолок, не хотел двигаться, но чувствовал себя некомфортно, и настроение, как и погода, становилось не очень приятным.

Он не удержался, взял телефон и отправил сообщение Чэнь Фану.

[Ты поел?]

Пока ждал ответа, Лу Шицин пересмотрел все приложения на телефоне, не нашёл ничего интересного, и на аватаре Чэнь Фана не появлялось новых уведомлений.

Наверное, ест, не смотрит телефон.

Лу Шицин отложил телефон в сторону, словно интерес ко всему миру утонул вместе с неполученным ответом, и снова погрузился в крайнюю скуку и пустоту, решив закрыть глаза и попытаться заснуть.

Спать, во сне время идёт быстрее.

Глазные яблоки под веками двигались туда-сюда. Лу Шицин не открывал глаза, но даже в полудрёме он ясно слышал, как снаружи начал накрапывать дождь, ветер гнал его на окно, то сильнее, то слабее.

Этот мелкий звук раздражал больше всего. Он только что подоткнул одеяло к ушам, как сквозь веки почувствовал, что свет в комнате мигнул, и снаружи раздался громкий грохот, который одеяло не могло заглушить.

Гроза, теперь точно не уснёшь.

Лу Шицин с раздражением снова взял телефон, экран сам загорелся, показывая сообщение от Чэнь Фана.

[Я не взял зонт, можешь меня встретить?]

Не взял зонт? Он на улице? Он не вернулся? Куда он пошёл?

В голове, как титры, пронеслась череда вопросов, но ни один он не успел задать Чэнь Фану. Лу Шицин сразу же позвонил ему, и звонок быстро был принят.

<http://bllate.org/book/16746/1540166>